

Российская академия наук
Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2005

Тюркские народы
России
и Великой степи

Москва

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН

2006

И.Е.ПЕТРОСЯН
(Санкт-Петербург)

К вопросу о социальном составе
ДЖЕЛЯЛИЙСКОЙ СМУТЫ
(конец XVI — начало XVII в.)

Знаменитым в турецкой истории восстаниям «джеяли»¹ посвящено несколько специальных работ (см., например, [Тверитинова, 1946; Akdağ, 1963; Griswold, 1983]). О них упоминают также многие авторы, посвятившие свои исследования истории Турции [Cook, 1972; Lewis, 1973; Shaw, vol. I; Faroqhi, 1977; İnalçık, 1985; Faroqhi, 1987; Петросян, 1990; Еремеев, Мейер, 1992, и др.]. И это понятно: «джеялийская смута» явилась одним из важнейших событий социальной истории Османского государства. Этим термином принято называть серию почти непрерывных антиправительственных выступлений в Анатолии второй половины XVI — начала XVII в., сопровождавшихся разбоями, грабежами и захватами крупных крепостей мятежниками.

Причины этих восстаний историки видят в демографических процессах, в увеличении налогового бремени податного населения, которое привело к обнищанию крестьян, а также в кризисе административной и военной систем государства. Следует особо отметить, что примерно в последней трети XVI в. Османская империя достигает пика своего политического и военного могущества. С этого времени прекращается ее территориальное расширение, начинается разложение военной системы, придворного войска янычар и придворных сипахи (altı bölük halkı). Стратификация османского общества теряет свою жесткость, становясь размытой, обретает некоторую мобильность, и эта эпоха перемен сопровождается социальной смутой и нестабильно-

¹ Названы так по ставшему нарицательным имени предводителя анатолийского восстания середины XVI в. Джеяли.

стью². Свой вклад в эту смуту вносит и усилившееся в XVI в. политико-религиозное противостояние Османского и Сефевидского государств.

Новая волна социальных возмущений накрывает Османскую империю в самом конце XVI в., после знаменитой битвы при Керестеше (венг. Мезёкёвешд) в 1596 г., во время которой с театра военных действий дезертируют тысячи ленников-сипахи, военнообязанных должностных лиц и представителей придворного войска капыкулу. В результате устроенной после сражения проверки (уоклама) из дефтеров были вычеркнуты многие не явившиеся на военную службу либо дезертировавшие лица (firâgî), лишившиеся, таким образом, своих ленов или жалованья. Значительную часть провинившихся составляли анатолийские сипахи. В анатолийских землях в это время скапливается критическая масса недовольных — лишившихся своих ленов мелких сипахи, разорившихся крестьян, бывших наемных солдат (*секбан*), должностных лиц, потерявших место службы в столице либо в провинции, и т.д., готовых в любой момент выступить против правительства или влиться в любое антиправительственное движение. Самыми знаменитыми фигурами среди мятежников этого периода явились Кара Языджи и его брат Дели Хасан. Однако следует отметить, что лично ни тот ни другой не участвовали в битве при Керестеше.

При рассмотрении социального состава антиправительственного движения Кара Языджи главное внимание историков было обращено именно на эти группы бунтовщиков. Однако социальная база недовольных была еще более широкой. В своей работе, специально посвященной выступлениям Кара Языджи и Дели Хасана, А.С.Тверитинова указала также на участие в них кочевников [Тверитинова, 1946, с. 59], не остановившись на анализе этой социальной группы. Нам представляется, что в связи с общей оценкой джелялийской смуты факт участия в восстании кочевников заслуживает особого внимания, тем более что это позволяет объяснить некоторые исторические «странности» движения Кара Языджи и Дели Хасана, удивлявшие как османских хронистов, так и современных исследователей. В этом отношении особый интерес представляет описание войска мятежников-джеляли, оставленное Ибрахимом Печеви, османским чиновником, автором «Истории» и участником некоторых из интересующих нас событий. Чтобы понять содержание этого отрывка и адекватно его интерпретировать, следует кратко охарактеризовать антиправительственное выступление

² Прекрасный анализ всех перечисленных явлений дан в уже упомянутых работах Ю.А.Петросяна, Д.Е.Еремеева и М.С.Мейера.

Кара Языджи, которое после его смерти продолжил его брат Дели Хасан.

Как уже указывалось выше, важным пусковым механизмом возобновления мятежей в Анатолии послужили события осени 1596 г., когда после битвы при Керестеше во время австро-турецкой войны (1593–1606) был издан указ о лишении ленов или жалованья около 30 тыс. человек. Некоторые из дезертировавших (firâgî) или не явившихся на военную службу были схвачены и казнены, а имущество их конфисковано [Selânikî, л. 294а–294б; Peçevî, т. II, с. 205; Na'imâ, т. I, с. 165; Uzunçarşılı, 1951, т. III, ч. I, с. 77–80]. Проверка, предшествовавшая этой акции и давно не практиковавшаяся, явилась попыткой правительства навести порядок в армии, ставшей малодисциплинированной и потому часто терпящей поражения. Эта акция произвела устрашающий эффект и внесла страх и нервозность в высшие слои общества, о чем мы можем судить по сообщению османского историографа Мустафы Селяники. К сожалению, он не описывает того, что творилось в связи с лишением ленов и конфискациями в Анатолии, но зато сообщает об опечатывании домов в Стамбуле, принадлежавших не явившимся в поход или покинувшим армию до срока высоким должностным лицам. Он живописует плач детей и жен провинившихся, пишет о том страхе, который произвела эта акция, и в то же время не забывает отметить, что многие, предупрежденные заранее, сумели спрятать самые ценные вещи [Selânikî, л. 294а–294б]. Конфискованное было передано в пользование другим людям; историк Селяники замечает, что и сам попал в число облагодетельствованных [Selânikî, л. 294б].

Оставшиеся без средств к существованию анатолийские ленники-сипахи и воины-капыкулу начали сбиваться в отряды, открыто не подчинявшиеся местным властям. Многие из них влились в отряды Кара Языджи, хотя история его мятежа стоит несколько особняком. Он не был дезертиром, но тем не менее тоже пострадал от действий правительства. Многие историки, писавшие во время, близкое к тем событиям, упоминают его как секбана (наемного стрелка), командира секбанов (*sekban bölükbaşı*), субаши (порученца) при бейлербее, каймакама (заместителя) санджакбея³. Секбаны, или стрелки, владевшие огнестрельным оружием (*тюфенк*), нанимались правительством для участия в военных походах. По их окончании они возвращались в родные места и нередко сколачивали банды, жившие разбоем, — явление, характерное для последней четверти XVI в. [Akdağ, 1963, с. 138–140].

³ Обзор сообщений османских источников по этому вопросу мы находим в работе А.С.Тверитиновой (см. [Тверитинова, 1946, с. 53]). Ср. [Griswold, 1983, с. 24 и сл.].

Многие из секбанов нанимались на службу к провинциальным правительственным чиновникам, а если тех смещали с должности, то стрелки также попадали в группы, жившие разбоем, или сами становились бандитами.

Если верить османским источникам (а у нас нет оснований не доверять им в этом вопросе), Кара Языджи перебивал на всех перечисленных выше ролях; в какой-то момент он был командиром секбанов [Тверитинова, 1946, с. 53 (со ссылкой на сообщения Мустафы Селяники, Кятиба Челеби и Карачелебизаде)]. Мустафа Акдаг уточняет эти сведения и пишет, что Кара Языджи был командиром секбанов в санджаке Тарсус [Akdağ, 1963, с. 192]. Сразу же после «великого бегства» с фронта мы встречаем Кара Языджи уже в роли каймакама в одном из сивасских санджаков⁴. Акдаг полагает, что этим сивасским санджаком была Малатья [Akdağ, 1963, с. 192], где Кара Языджи исполнял свои обязанности вместо ушедшего на войну санджакабея. Однако он лишился должности каймакама, так как на нее указом правительства был назначен другой человек. Отказавшись подчиниться приказу властей, Кара Языджи, если верить Печеву, убил прибывшего нового чиновника, а затем из страха наказания отдал приказ своим людям «поднять знамя восстания» [Peçevi, т. II, с. 252; ср. Тверитинова, 1946, с. 54].

Вскоре Кара Языджи приобретает славу одного из видных бунтовщиков юго-восточной части Анатолии. Во всяком случае, Мустафа Акдаг, использовавший в своей работе о джелялийской смуте многие недоступные нам документы, приводит, в частности, вывод одной весьма любопытной докладной записки, посланной в Стамбул кадием Малатьи. В документе говорится следующее: «Докладывают, что в связи с тем, что мятежники (*джеляли*) и разбойники, овладевшие Малатией, совершают насилия и грабеж, был издан высочайший указ о том, чтобы для отражения и подавления этих разбоев набрать 150 подходящих и храбрых добровольцев-джигитов, имеющих лошадей и необходимую одежду, и назначить из числа старших среди [них] агу⁵, кетхюду⁶, кятиба⁷ и чавуша⁸. В результате агой был назначен всем известный разбойник из числа пограничного люда (*serhadlı taifesinden*), известный под именем Кара Языджи. Последний самовольно набрал

⁴ Начало антиправительственных действий Кара Языджи османский современник событий Ибрахим Печеву описывает под 1007/1598-99 г. [Peçevi, т. II, с. 252].

⁵ Название старшего должностного лица в военных и гражданских структурах османского общества.

⁶ Староста (старшина) в подразделении.

⁷ Писарь.

⁸ Младшее должностное лицо в подразделении (унтер-офицер).

добровольцами верных ему разбойников из турков и курдов, которые отказываются подчиняться прибывающим на свою должность эмирам и совершают разбои. Без оглядки на священные законы шариата они набросились на безвинных окрестных мусульман: некоторых из них поубивали, имущество разграбили, а стада угнали. На этом их бесчинства не закончились — они становятся все сильнее» [Akdağ, 1963, с. 192].

Этот документ (№ 75) был обнаружен М.Акдагом среди дел турецкого архива *Vaşbakanlık* в папке, помеченной 1011–1013/1602-03 — 1604-05 гг. Турецкий ученый сразу же обратил внимание на упоминание в документе Кара Языджи и задался вопросом, является ли он тем же самым человеком, что и знаменитый анатолийский мятежник. В конце концов Акдаг ответил на этот вопрос утвердительно, разобравшись попутно и с датировкой процитированного документа. Он обратил внимание на то, что большинство документов в этой папке, как и документ, о котором идет речь, не имеет даты. Более того, среди них есть бесспорно относящиеся к более раннему или более позднему периоду. На этом основании турецкий ученый сделал предположение, что документ № 75, скорее всего, относится к более раннему времени — возможно к 1006/1597-98 г. [Akdağ, 1963, с. 192], потому что именно в это время Кара Языджи собрал вокруг себя людей и поднял мятеж в районе Малатьи.

Если эта гипотеза Мустафы Акдага верна (а выглядит оно весьма правдоподобно), то мы получаем сведения, частично освещающие ранний период деятельности Кара Языджи (после потери им должности каймакама Малатьи). В документе он уже назван «известным разбойником», имеющим в своем подчинении турков и курдов; бунтовщиком, возглавляющим разбои и грабящим местное население. Нельзя не обратить внимание и на тот факт, что Кара Языджи имел не только отряд готовых подчиняться ему людей, но и неких влиятельных покровителей, которые назначили «разбойника» бороться с разбоями в районе Малатьи. Такое сочетание несовместимых вещей могло быть возможным лишь в том случае, если Кара Языджи обладал неким авторитетом среди «турок и курдов».

Прежде всего следует обратить внимание на то обстоятельство, что район Малатьи (верхнее течение Евфрата) являлся областью компактного проживания многих курдских и отчасти туркменских племен, и именно в этой среде, как показывает документ, Кара Языджи стал предводителем. Означает ли это, что сам он своим происхождением был связан с племенной верхушкой? Скорее всего, да. В свете этого

предположения весьма правдоподобным выглядит одно утверждение османского историка Хусейна Хюсамеддина, впервые отмеченное (без комментариев) А.С.Тверитиновой. Часто пользовавшаяся его многотомной «Историей Амасьи», она вслед за ним привела очень интересный факт о том, что Кара Языджи был сыном одного из знатных людей племени кылыджлы из Урфы [Тверитинова, 1946, с. 53 (со ссылкой на Hüsameddin, т. III, с. 348)]. М.Акдаг включил в свою работу это сообщение Хюсамеддина (и также без комментариев)⁹, указав, что Кара Языджи был «сыном некоего Али, представителя кочевых племени кылыджлы из района Урфы» [Akdağ, 1963, с. 191]. Уильям Грисволд, собравший весь доступный ему материал о Кара Языджи, вовсе не упоминает этот факт, видимо, считая его несущественным. Между тем указание на Урфу, в районе которой, согласно этому сообщению, проживал кылыджлы Али, отец Кара Языджи, очень симптоматично, так как население северо-западной части санджака Урфы даже еще и в начале XX в. целиком состояло из туркмен (см. [Отчет о поездке, 1907, с. 200]). К сожалению, этноним кылыджлы в известной мне литературе отсутствует. Можно предположить, что это было небольшое племенное образование, возможно смешанного происхождения. Известно, например, что в состав туркмен влилось много курдских племен, с ними ассимилировавшихся, и часть туркмен на востоке Анатолии была курдизирована (осталось лишь тюркское название). Проследить историю того или иного туркменского племени Анатолии бывает очень сложно из-за частых перегруппировок племен и их распада, в результате которых возникали новые племена с новыми названиями [Еремеев, 1971, с. 97–99].

Акдаг, который считает самым важным проследить карьерный путь Кара Языджи, отмечает, что Кара Языджи был записан в состав придворного войска сипахи (altı bölük halkı), имевшего статус капыкулу¹⁰, и служил мухачызом (пограничником) в Дамаске или другой пограничной крепости на юго-востоке Турции. Джелалийская смута застала его в районе Малатья, где он, согласно процитированному документу, был назначен бороться с разбойничьими отрядами («...так как он был представителем сословия капыкулу», — замечает Акдаг [Akdağ, 1963, с. 193]). Турецкий исследователь не объясняет, почему Кара Языджи был внесен в реестр придворного конного войска капыкулу. Между

⁹ Акдаг делает лишь одно замечание по этому вопросу, а именно, что происхождение Кара Языджи «несущественно».

¹⁰ Тот же автор утверждает, что большую часть джелали, сплотившихся вокруг Кара Языджи, составляли выходцы из altı bölük halkı [Akdağ, 1963, с. 194]. Однако, как мы увидим ниже, это не соответствует действительности.

тем принадлежность к знатному племенному роду это объясняет. Хотя изначально туда зачислялись представители знатных семейств нетурецкого происхождения (garib uğıtler), со временем (начиная со второй половины XVI в.) в ряды придворных сипахи стали принимать и турок. Важно отметить также и то, что представителей altı bölük halkı правительство привлекало к делам финансового ведомства: они были писарями при сборе налогов [Uzunçarşılı, 1964, с. 564–565]. Не отсюда ли прозвище нашего героя — Языджи (Писарь)¹¹? Кроме того, вместе с янычарами придворные сипахи входили в состав пограничных гарнизонов, но сипахи имели более высокий социальный статус, чем янычары. Этот статус, а также связи с местной администрацией, скорее всего, помогли Кара Языджи занять пост каймакама. Определенную роль в разрыве со службой сипахи сыграло, вероятно, полученное им увечье. Весьма информированный венецианский консул в Алеппо Винченцо Дандоло описывает Кара Языджи как смуглолицего человека небольшого роста «с увечной левой рукой» [Griswold, 1983, с. 25 (это сообщение Дандоло, которое цитирует автор, относится к 27 февраля 1602 г.)].

Как нам представляется, и службой в составе altı bölük halkı, и высокими связями Кара Языджи был обязан своей принадлежности к племенной знати. К тому же он не был беден, так как на одном из этапов своей карьеры мог нанять 300 стрелков, чтобы помочь санджакебу Яффы сохранить свою должность и не допустить занять ее новому назначенному правительством чиновнику [Griswold, 1983, с. 26]. Знатное происхождение и связи в племенной среде способствовали той легкости, с какой Кара Языджи за короткое время мог собирать вокруг себя значительное число сподвижников. Все говорит за то, что Кара Языджи имел отношение к племенной верхушке, в которой пользовался значительным авторитетом.

Вообще, фактор участия кочевников в восстаниях конца XVI в. недооценивается, между тем как источники прямо указывают исследователям на его значение. Так, например, Кучибей Гёмюрджинский пишет, что «вышли из повиновения шайки арабов и туркмен» [Смирнов, 1873, с. 145]. Почти то же сообщает в «Фезлеке» и Кятиб Челеби, утверждая, что в восстании Кара Языджи приняли участие племена курдов и туркмен [Тверитинова, 1946, с. 59 (со ссылкой на Kâtib Çelebî, т. I, 1286/1869-70, с. 127)].

¹¹ Сохранились сведения, что Кара Языджи какое-то время служил писарем при бейлербее Алеппо [Griswold, 1983, с. 25].

Туркменские, курдские и арабские племена Юго-Восточной Анатолии и Северной Сирии всегда причиняли беспокойство османскому правительству. Стремление сильных вождей к независимости от центральной власти, их открытое неподчинение и грабежи, желание контролировать важные караванные пути региона порождали антагонизм между племенной верхушкой и османским правительством, власть которого в провинции в этот период ослабла. Политика чиновников, неспособных полностью контролировать ситуацию, обычно сводилась к ублажению наиболее влиятельных предводителей племенных образований: часто их в благодарность за лояльность назначали на высокие административные посты. (Характерно, что этим в конце концов завершилось дело и с восстанием, поднятым Кара Языджи, о чем будет сказано ниже.) В качестве примера можно привести назначение в 1592 г. бейлербеем сирийского Триполи весьма агрессивного и непокорного туркменского вождя из района Акки — Юсуфа Сейф-оглу [Griswold, 1983, с. 74]. Но и эти меры не всегда приводили к желаемому результату. Силы были неравны. В Сирии, например, насчитывалось порядка десяти династических племенных образований, стремившихся ускользнуть от административного контроля османов.

Особенно показательным в этом смысле являлось племенное династическое семейство курдского рода Джанбуладов. Во второй половине XVI в. Джанбулад ибн Касим получил от османского правительства в наследственное владение (*оджаклык*) сирийские санджаки Килис и Ма'арра, а в 1581 г. один из сыновей Джанбулада — Хусейн был назначен правителем богатого торгового города Алеппо. И он, и его брат Хабиб Джанбулад-оглу продолжали владеть своим оджаклыком до тех пор, пока в 1583 г. власти не отобрали у них их оджак и не передали его другому племенному вождю — Дев Сулейману. Однако с помощью войска, в которое входили, в частности, и нанятые секбаны, Хусейн изгнал из своего оджаклыка Дев Сулеймана, что лишним раз продемонстрировало слабость османской власти среди племенных образований этого региона.

Хусейн Джанбулад-оглу интересен для нас и своими связями с Кара Языджи. Имеется арабское известие о том, что, когда в 1007/1598–99 г. Кара Языджи со своими людьми направлялся через Сидон и Триполи в Алеппо, Хусейн Джанбулад-оглу зазвал его к себе в Килис, чтобы, как предполагают, заручиться его лояльностью (среди людей Кара Языджи в качестве стрелков-секбанов служили воины Дев Сулеймана) [Griswold, 1983, с. 86–87, 89]. Указание на то, что в отряде Кара Языджи были люди Дев Сулеймана, говорит о том, что для борьбы с осман-

ским правительством Кара Языджи привлекал в свои ряды представителей тех племенных образований, которые были в конфликте с людьми, обладавшими реальной властью в регионе. Во время пребывания Кара Языджи в Килисе его люди учинили там такие беспорядки, что на борьбу с ними алеппский бейлербей Хаджи Ибрахим-паша был вынужден послать войско. Кара Языджи сразу поспешил удалиться, направившись в местность северо-западнее Урфы (в район Самсата), где, как было указано выше, компактно проживали туркменские племена.

К 1599 г. войско Кара Языджи настолько окрепло, что смогло захватить крепость Урфы; однако благодаря сделке, заключенной с посланными против него правительственными войсками, бунтовщик и его люди смогли беспрепятственно покинуть крепость [Тверитинова, 1946, с. 67]. Винченцо Дандоло утверждал, что у Кара Языджи было много друзей среди сирийских арабов, особенно среди дамасцев, участвовавших в осаде Урфы [Griswold, 1983, с. 31]. Через некоторое время после этих событий Кара Языджи получил от правительства пост санджакбея Амасьи [Тверитинова, 1946, с. 67]. Такое странное отношение к повстанцу могло объясняться лишь страхом перед возможными последствиями его антиправительственного выступления, в котором приняли участие племена Юго-Восточной Анатолии. Что могло вызывать этот страх? На наш взгляд, правительство испугалось известий о политических притязаниях Кара Языджи. Как сообщает весьма осведомленный османский историограф Мустафа Селяники, Кара Языджи объявил себя потомком «шахского рода». Он заявил, что во сне ему явился Пророк Мухаммад, который возвестил, что «правосудие и государство» принадлежат ему. От Мустафы Селяники мы знаем также, что в осуществление своей власти Кара Языджи рассылал указы (*хюкмы*) с тугрой Халим-шаха Победоносного [Selânikî, л. 375a].

Содержание одного из таких указов, изданного после очередной победы Кара Языджи над правительственными войсками (при Кайсери — 1009/1600–01), приводит османский придворный историограф Мустафа На'има. В указе читаем: «Я полностью освободил от [уплаты] всех налогов держателя сего благородного указа, человека по имени Мехмед, который является одним из жителей Кайсери. Во время [моей] битвы с сердаром¹² Хаджи Ибрахим-пашой¹³, разбитым [мною] с помощью Всевышнего Аллаха, он с полным чистосердечием пере-

¹² Главнокомандующий.

¹³ Хаджи Ибрахим-паша во главе войска был послан правительством в Анатолию для борьбы с Кара Языджи.

шел от османов на нашу сторону. И я вручил ему сей августейший указ (hüküm-ü humâyûn), повелев следующее: „Поскольку сии земли полностью выведены из-под [правления] османов и высшая власть (saltanat) над ними, без сомнения, принадлежит мне, в соответствии с изданным мною повелением и указом, не берите с вышеозначенного [Мехмеда] никаких налогов и сборов и не налагайте [на него никаких других]. Любого [человека], не подчинившегося сему указу, ожидает наказание. Знайте [также], что всякий, кто держит в руках сей священный указ, обязан действовать согласно его августейшему содержанию. Да будет известно, что [сей указ] написан в середине реби‘ уль-эввеля 1009 года (конец сентября 1600 г. — *И.П.*)“» [Na‘imâ, т. I, с. 237–238].

Этот документ, приводимый На‘имой, недвусмысленно указывает на то, что вскоре после начала восстания амбиции Кара Языджи переросли притязания обычного главаря шайки разбойников, коих в то время в Анатолии было предостаточно. Он объявил себя правителем подконтрольной ему территории и вторгся в область налоговых прав османской династии. Такого рода амбиции могли привести в движение огромные массы непокорного кочевого населения Малой Азии и всех недовольных правительством. Уже не раз османские султаны сталкивались с этой опасностью и с огромным трудом отводили ее от себя. В попытке объявить себя правителем (шахом) обвинялся, например, шейх Бедреддин Симавна-оглу, возглавивший крупное восстание в Румелии в начале XV в. ([Новичев, 1960, с. 78]; см. также [Gölpınarlı, 1966]). Главарь другого крупного восстания, вспыхнувшего в 1527 г., Календер Челеби (Календер Шах), по сообщениям источников, также намеревался основать собственную династию [Новичев, 1963, с. 111; Uzunçarşılı, 1964, с. 310, 346–347]. В обоих восстаниях заметными факторами являлись мусульманская неортодоксия и влияние суфизма. Наконец, в восстании Календер-оглу, вспыхнувшем в 1604 г. в Анатолии, также проглядывало стремление его руководителя покончить с властью османской династии в Малой Азии. Так, в письме одному из сообщников Календер-оглу сообщал: «Если [нам] поможет Всевышний, мы вместе с нашими бесчисленными храбрыми воинами покончим с этим дряхлым старцем (османской династией. — *И.П.*) и принудим османов отказаться [от земель] от Скутари до сей долины...» [Fezleke, л. 1196]. Судя по тому, что, спасаясь от преследования, Календер-оглу на время нашел убежище в сефевидском Иране [Uzunçarşılı, 1951, с. 113], можно полагать, что как он сам, так, по-видимому, и его сподвижники отличались шиитскими симпатиями, характерными для многих суфийских тарикатов Анатолии.

В стремлении объявить себя независимым правителем Кара Языджи, по свидетельству источников, зашел настолько далеко, что организовал некую копию османского двора, где были введены должности чавуша, чашнигира, мютеферрика и военный корпус солаков, янычар, аджеми огланов, а также бёлюк сипахи (реплика на altı bölük halkı). Им также были назначены кадии, учреждены пост нишанджи, ведавшего печатью с его тугрой, должность великого везира [Selânikî, л. 375a]. Также в подражание османскому двору Кара Языджи завел у себя «ич огланов»¹⁴ [Reşevî, т. II, с. 271].

Поддержка анатолийскими кочевниками подобного рода самозванцев грозила огромными неприятностями османскому правительству. Обычно вызывавшееся экономическими причинами недовольство кочевников, весьма подверженных влиянию суфийской пропаганды странствующих дервишей, выливалось в антиправительственные восстания, с которыми было трудно бороться. Одно из таких восстаний произошло незадолго до выступления Кара Языджи. Весной 1596 г., во время подготовки к летней военной кампании, в которой должен был принять участие султан Мехмед III, в Караманский вилайет были отправлены эмиссары для сбора провианта и скота. Значительную долю населения этих мест составляли кочевники-туркмены, основой хозяйственного уклада которых являлось скотоводство. Реквизиция скота для нужд армии вызвала у них сильное недовольство, так как скотозаготовки производились в период резкого обнищания сельского населения Анатолии. На султанском совете, состоявшемся 19 декабря 1595 г. в присутствии Мехмеда III, было констатировано полное разорение райи (податного населения, основную часть которого составляли крестьяне) [Selânikî, л. 2496]. Это подтверждается, в частности, и наблюдением Мустафы Али, османского чиновника и знаменитого литератора рассматриваемого периода. Посланный в сентябре 1595 г. с инспекционной поездкой в Центральную Анатолию, он был потрясен увиденным. По его словам, в одной из деревень, за которой в реестре числилось около 500 коров, осталась пара обессилевших животных, которых он называет «лежачими трупами». Он пишет также о затронувшем местность падеже скота [Mustafâ ‘Alî, л. 479a–4796], что не могло не отразиться на материальном положении кочевников.

В период заготовки скота весной 1596 г. недовольством кочевников воспользовался один из предводителей туркменского племени даудлу. По сообщению Мустафы Селяники, собрав своих сторонников, он

¹⁴ В османском государстве — молодые люди, воспитанники двора, исполнявшие роль пажей.

объявил о том, что является потомком «последнего» сельджукского султана — Алаэддина Ферамурза¹⁵. Он также провозгласил, что восстановит справедливость, попорченную османской династией, вставшей на «путь насилия и вражды» [Selânikî, л. 264a]. А.С.Тверитинова, процитировавшая этот отрывок из хроники Селяники, дала не совсем точный перевод текста с приведенными словами инсургента. Согласно ее переводу, он «требовал» справедливости, в то время как употребленный здесь глагол *vedad etmek* следует переводить иначе. Вождь восстания заявлял, что он «восстановит справедливость» ('*adl vedad ederim*), что в корне меняет оценку целей мятежника. (Претензия на царское происхождение и обещание справедливого правления были обычными у лиц, пытавшихся заручиться поддержкой анатолийских кочевников и объявить войну османской династии.) Бунтовщики отняли у султанских эмиссаров набранный для нужд похода скот и намеревались также захватить казну, посланную из Египта в Стамбул [Selânikî, л. 264a]¹⁶.

Следует отметить, что «политические» лозунги с опорой на историческую память, хорошо сохранявшуюся в консервативной кочевнической среде, имели наибольший успех в периоды острого экономического неблагополучия, как это было в данном случае, или при ослаблении центральной власти, неспособной обеспечить политический контроль над кочевниками.

Племенная среда, консолидированная «общей исторической памятью», консервировала и воспроизводила многие установки социального поведения, традиции и обычаи. В значительной степени это касалось и племенного руководителя или вождя племенного объединения. Кочевники Анатолии не были просто «разбойниками» (*eşkiyâ*), как их квалифицировали османские хронисты, находившиеся на совершенно иной ступени культурного развития. Разбои и грабеж составляли естественную часть жизни кочевников, и степень авторитета их вождей во многом зависела от их способности обеспечивать соплеменников богатой добычей, быть щедрыми по отношению к своему ближайшему окружению. Интересно, что такой модели поведения следует и Кара Языджи, описываемый наблюдателями как человек,

¹⁵ Имеется в виду сельджукский султан Алаэддин Кей Кубад III, сын Ферамурза, жившего при византийском дворе. В 1296 г. Алаэддин Кей Кубад был объявлен ильханом Газан-ханом правителем Румского султаната [Uzunçarşılı, 1961, с. 20]; см. подробно также [Cahen, 1988].

¹⁶ Нельзя не отметить попутно, сколь долго сохранялась в Караманском вилайете политическая память о государственности Румского султаната.

щедро одаривавший своих сподвижников награбленным [Griswold, 1983, с. 38 (со ссылкой на венецианские дипломатические сообщения)].

Влиянием племенных традиций следует, по-видимому, объяснить и избрание после смерти Кара Языджи (февраль 1602 г.) главой мятежников его брата Дели Хасана [Тверитинова, 1946, с. 74 (со ссылкой на Hüsameddin, т. III, с. 351)]¹⁷. Хюсамеддин, пользовавшийся многими неизвестными нам источниками, приводит в данном случае весьма интересные подробности. Он пишет, во-первых, что повстанцы были недовольны стремлением Кара Языджи стать единоличным правителем и отказывались ему подчиняться, предпочитая «демократическую» форму правления (*cumhuri bir şekil ve tarzı kabul ederek*). Кроме того, он сообщает, что избрание нового лидера, Дели Хасана, произошло в результате долгих споров и пререканий [Тверитинова, 1946, с. 74]. Употребление терминов *cumhuri*, а также *şura* («совет») в рассказе Хюсамеддина о мятежниках начала XVII в. представляется А.С.Тверитиновой чем-то несуразным, и она объясняет это влиянием современной этому автору «националистической концепции» [Тверитинова, 1946, с. 74]. Однако объяснение может быть совсем иным. По сути, речь может идти о попытке возврата к принципам демократии, характерным именно для племенного быта, при котором особую роль играет совет старейшин.

Теми же имеющими древние корни обычаями можно объяснить еще один факт, связанный со смертью Кара Языджи¹⁸, удививший культурных турок. Соратник Кара Языджи — Шахверди, перешедший после его смерти на сторону правительства, рассказал, что тело Кара Языджи было расчленено его сподвижниками на 40–50 частей, затем тайно захороненных по отдельности. Сделано это было, по объяснению Шахверди, для того чтобы османы не смогли найти труп мятежника и подвергнуть его публичной казни [Reşevî, т. II, с. 253]. Присутствовавший при этом рассказе османский историк Печеви пишет, что слушатели были поражены таким объяснением и заявили, что «ни один османец не совершает такой казни и не прикасается к разлагающемуся трупу», на что Шахверди ответил: «Таково было [общее] решение» [Reşevî, т. II, с. 254]. На самом деле то, что так удивило образованных слушателей, было отголоском весьма древних обычаев тюркских кочевников, которые старались не допустить надругательства

¹⁷ Печеви пишет, что люди Кара Языджи «поставили» (*geçirdiler*) вместо него его брата Дели Хасана [Reşevî, т. II, с. 254].

¹⁸ Хюсамеддин пишет, что раненый Кара Языджи был умерщвлен своими соратниками [Тверитинова, 1946, с. 74, со ссылкой на Hüsameddin, т. III, с. 351].

ва врага над телом умершего (убитого) соплеменника, ибо такое надругательство считалось среди них тяжчайшим оскорблением (см. подробно [Мокрынин, 1986]).

Таким образом, можно утверждать, что весьма сильным элементом в социальном составе мятежников Кара Языджи являлись кочевники, обеспечивавшие сплоченность его войска и в некотором смысле идейное единство. На наш взгляд, мы имеем прекрасную иллюстрацию этого в одном из пассажей «Истории» Ибрагима Печеви, оставившего подробное описание внешнего вида мятежников, сильно его поразившее.

Как известно, преемник Кара Языджи — Дели Хасан, успешно продолживший вооруженную борьбу своего почившего брата, был наконец укрощен властями с помощью обычного средства — он был назначен султаном на пост бейлербея Боснии. В этом качестве Дели Хасан вместе со своими войсками прибыл в 1603 г. в ставку главнокомандующего турецким войском (*сердара*) в Венгрию. Печеви рассказывает об этом как очевидец, со многими подробностями.

«Прибыв в Эдирне, [Дели Хасан отдал приказ] раздать жителям города бесчисленное число [суконных] плащей, шорных изделий, козых попон для лошадей, холщовых сумок и всякого другого добра, обложив [горожан взамен этого] податью в несколько юков акче¹⁹. Затем точно так же он обложил податью [жителей] Филибе²⁰, Софии и других городков, лежавших на его пути [в ставку], при этом было совершено множество притеснений. Многоопытный же сердар²¹ с добычей османского войска расположился на [лагерной] стоянке в Фёдваре²². Подойдя к этой стоянке, [войско Дели Хасана] присоединилось к султанской армии. Мир еще не встречал воинов подобного вида и такого разнobia. У кого-то к стремени была подвешена верблюжья попона, у другого вместе с двумя рядами амулетов на голой спине висел цимбал²³. У некоторых были крупные наголо [обритые] головы, у других — длинные, как у женщин, волосы, с двух сторон ниспадающие на грудь. У одних головы были прикрыты лоскутами [ткани], у других же ноги были голы от колена до ступни. Они держали в руках тростниковые пики с прикрепленными к их концам флажками из белой тряпицы

¹⁹ Один юк равнялся 100 000 акче (акче — мелкая серебряная монета, вес и проба которой менялись в разные периоды османской истории).

²⁰ Современный город Пловдив в Болгарии.

²¹ Имеется в виду командующий турецким войском в Венгрии Лала Мехмед-паша.

²² Современный город Фёдвар в Венгрии.

²³ В тексте — *zıl* (греч. *kymbalon*), старинный музыкальный инструмент с плоским деревянным корпусом трапециевидной формы и металлическими струнами.

[длинной] в две пяди²⁴, наподобие тех повязок, какими прикрывают чресла. Что же до повадок и действий всех этих людей, то передать их словами нет никакой возможности» [Peçevi, т. II, с. 270–271].

Из приведенного описания вырисовывается следующая картина: во-первых, становится ясным, что у воинов Дели Хасана в избытке имелись награбленные вещи, имевшие отношение к экипировке конников, и они были насильственно выменяны ими на деньги, которые требовались для покупки пропитания (прямые грабежи на европейской территории тогда были невозможны). Во-вторых, описание тростниковых пик указывает на присутствие в войске Дели Хасана курдов; именно для них были характерны тростниковые копья [Стенин, 1892, с. 283]. Наконец, самое важное: упоминание воинов как с обритыми головами, так и с длинными волосами прямо указывает на присутствие в войске Дели Хасана дервишей — абдалов и календеров²⁵. Отличительной чертой календеров, которые впервые появились в Дамаске в 1213 г., была бритая голова [Тримингэм, 1989, с. 277]. Абдалы, напротив, носили длинные, до плеч, волосы [Brown, 1968, с. 93]. Их изображение, воспроизведенное из турецкого альбома, мы находим в книге Клары Хедьи и Веры Зимани, посвященной истории и культуре средневекового Османского государства (см. [Hegyi, Zimányi, 1986, ил. 64–65, со ссылкой на альбом, хранящийся в Парижской национальной библиотеке]).

Известно, что именно у кочевников исключительным влиянием пользовались так называемые бродячие дервиши, представители тарикатно не оформленных суфийских орденов. В средние века их называли абдалы, календеры, торлаки и ишыки, и они без всякого почтения относились к обрядам и обычаям ислама [Тримингэм, 1989, с. 276], сохранив в своих внешне мусульманских учениях реликты очень древних пластов религиозного языческого прошлого тюрков. (Примечательно, что в описании Печеви упомянуты воины, носящие строго запрещенные в исламе языческие амулеты.) Считавшиеся среди кочевников святыми, странствующие дервиши делали то, что представители официального ислама считали для себя невозможным, — вызывали дождь, лечили болезни, обеспечивали плодородие [Ménage, 1979, с. 59–60]. Они принимали активное участие в восстаниях анатолийских

²⁴ Пядь — мера длины (17,78 см); таким образом, флажок был длиной около 40 см.

²⁵ Я считаю своим долгом поблагодарить проф. О.Ф.Акимовскую за консультацию по вопросу о возможности атрибутировать воинов с указанной внешностью как дервишей.

кочевников на протяжении всей османской истории, придавая этим восстаниям особую, идеологическую окраску. Популярным лозунгом неизменно оставалась борьба с несправедливостью властей с заметными уравнительными тенденциями. Как видим, такого рода дервиши находились и в войске Дели Хасана.

За рамками данного исследования остается вопрос, являлся ли Кара Языджи духовным лидером (шейхом) тех дервишей, которые приняли участие в его восстании. Для решения этого вопроса, к сожалению, нет достаточных исторических данных. Однако высока вероятность того, что как дервиши, так и рядовые кочевники в составе его войска видели в своем лидере не просто военного предводителя и основателя новой династии, но и духовного лидера. Во всяком случае, известна широко распространенная практика обретения светскими вождями власти религиозного главы (особенно это было характерно в среде кочевников). Мы знаем, к примеру, что таким главой считался Календер Челеби, возглавивший восстание (1527 г.) в Центральной Анатолии, сторонниками которого были многие абдалы и календеры [Inalcik, 1995, с. 195]. В его восстании приняли участие многие вожди племен [Uzunçarşılı, 1964, с. 347].

Вообще парадигму анатолийских восстаний XVI в. отличало нечто общее — это всегда был протест против конкретных «несправедливых» действий правительства (в случае с Календером имело место отнятие тимаров у значительного числа сипахи в провинции Дулькадыр, где был очень силен кочевнический элемент), протест, подкрепляемый противоречием между мусульманской ортодоксией властей и неортодоксальными воззрениями (с сильным уклоном в шиизм) народных тарикатов. Последнее обстоятельство, как и в случае с восстанием Кара Языджи, имело особое значение, так как лидер восстания становился больше чем просто предводитель недовольных. Он обретал авторитет духовного лидера среди своих воинов, порождая особую идейную сплоченность мятежников, на базе которой могли возникать его далеко идущие политические планы.

Еремеев, 1971 — *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.

Еремеев, Мейер, 1992 — *Еремеев Д.Е., Мейер М.С.* История Турции в средние века и новое время. М., 1992.

Мокрынин, 1986 — *Мокрынин В.П.* По следам прошлого. Фрунзе, 1986.

Новичев, 1960 — *Новичев А.Д.* Крестьянское восстание в Турции в начале XV века // Проблемы востоковедения. 1960, № 3.

Новичев, 1963 — *Новичев А.Д.* История Турции. I. Эпоха феодализма (XI–XVIII вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1963.

Отчет о поездке, 1907 — Отчет о поездке по Азиатской Турции Генерального штаба подполковника Томилова в 1904 году. Часть первая. Район Багдадской железной дороги от Аданы до Мосула. СПб., 1907.

Петросян, 1990 — *Петросян Ю.А.* Османская империя. Могущество и гибель. М., 1990.

Смирнов, 1873 — *Смирнов В.Д.* Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII века о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Стенин, 1892 — *Стенин П.А.* Восток. Страны креста и полумесяца и их обитатели. Историко-географическое и этнографическое обозрение Левантского мира. СПб., 1892.

Тверитинова, 1946 — *Тверитинова А.С.* Восстание Кара Языджи и Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1946.

Тримингэм, 1989 — *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. Пер. с англ. под ред. и с предисл. О.Ф.Акимовской. М., 1989.

Akdağ, 1963 — *Akdağ M.* Celâli isyanları (1550–1603). Ankara, 1963.

Brown, 1968 — *Brown J.P.* The Darvishes or Oriental Spiritualism. Ed. with an Introduction and Notes by H.A. Rose. L., 1968.

Cahen, 1988 — *Cahen Cl.* La Turquie pré-ottomane. İstanbul; P., 1988 (Varia Turcica, VII).

Cook, 1972 — *Cook M.A.* Population Pressure in Rural Anatolia. 1450–1600. L., 1972.

Faroqhi, 1977 — *Faroqhi S.* Rural society in Anatolia and the Balkans during the sixteenth century // Turcica. IX/1. P., 1977.

Faroqhi, 1987 — *Faroqhi S.* Political tensions in the Anatolian countryside around 1600. An attempt at interpretation // Türkische Miscellen. Robert Anhegger Festschrift. Armağanı. Mélanges. İstanbul, 1987 (Varia Turcica, IX).

Fezleke — *Kâtib Çelebî.* Fezleke. Рукопись С 537 из коллекции СПб. филиала ИВ РАН.

Gölpınarlı, 1966 — *Gölpınarlı A.* Simavna Kadısıoğlu Şeyh Bedreddin. İstanbul, 1966.

Griswold, 1983 — *Griswold W.J.* The Great Anatolian Rebellion. 1000–1021/1591–1611. B., 1983.

Hegyi, Zimányi, 1986 — *Hegyi K., Zimányi V.* Az osmán birodalom Európában. Budapest, 1986.

Hüsameddin, т. III — *Amâsyalı 'Abdî-zâde Hüseyin Hüsameddin.* Amâsya târihi. Т. III. İstânbûl, 1330/1928.

Inalcik, 1985 — *Inalcik H.* Military and fiscal transformation in the Ottoman Empire. 1600–1700 // Studies in Ottoman Social and Economic History. L., 1985.

Inalcik, 1995 — *Inalcik H.* The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. L., 1995.

Kâtib Çelebî, т. I, 1286/1869–70 — *Fezleke-yi Kâtib Çelebî Mustafâ 'Abdallâh Hâci Halifa.* Т. I. İstânbûl, 1286/1869–70.

Lewis, 1973 — *Lewis B.* Ottoman Observers of Ottoman Decline. Islam in History. Ideas, Men and Events. L., 1973.

Ménage, 1979 — *Ménage V.L.* The Islamization of Anatolia // Conversion to Islam. N. Y.; L., 1979.

-
- Mustafâ 'Alî — *Mustafâ 'Alî*. Kûnh al-ahbâr. Рукопись из коллекции Венской национальной библиотеки (микрофильм СПб. филиала ИВ РАН).
- Na'imâ, т. I — *Na'imâ Mustafâ*. Târih. Т. I. İstânbûl, 1280/1863-64 (3-е изд., без указания места и года издания).
- Peçevî, т. II — *Peçevî İbrâhîm*. Târih. Т. II. İstânbûl, 1283/1866-67. СПб.
- Selânikî — *Selânikî Mustafâ*. Târih. Рукопись С 565 из коллекции филиала ИВ РАН.
- Shaw, vol. I — *Shaw St. J.* History of the Ottoman Empire and Modern Turkey. Vol. I. Empire of the Gazis: The Rise and Decline of the Ottoman Empire, 1280–1808. N. Y.; L., 1976.
- Uzunçarşılı, 1951 — *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi. Т. III. Ч. I. Ankara, 1951.
- Uzunçarşılı, 1961 — *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi. Т. I. Изд. 2. Ankara, 1961.
- Uzunçarşılı, 1964 — *Uzunçarşılı I.H.* Osmanlı tarihi. Т. II. Изд. 2. Ankara, 1964.